

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XXXVIII

№ 3
июль–сентябрь

ТАШКЕНТ
2015

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Татьяна КОТЮКОВА
Роман ДОРОФЕЕВ
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Алексиевский собор Самарканда (С. 14–27).

Стр. 3: сверху вниз: Самаркандское сюзанае нач. XX века. Джизакское сюзанае кон. XIX века. (С. 135–141). Оссуарий из Сарытепа, VI–VII вв., Узбекистан. (С. 131–134).

Восток Свыше. 2015, № 3 (XXXVIII)

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Валерий ЧЕРКЕСОВ. Детство. Крещение 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

«Откуда начну плакати...» 1275 лет преставления святителя
Андрея, архиепископа Критского (4 июля 740 года) 6

Новостные страницы *иеродиакона Михаила (СТОЛЯРОВА)*

25-летие архиерейской хиротонии, паломничество в Каракол,
новое в огласительных беседах 11

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ УЗБЕКИСТАНА

Александр ГАЛАК. Алексиевский собор Самарканда 14

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Роман ДОРОФЕЕВ. Закат туркестанского обновленчества и миссия
архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годов 28

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Тема: Парадоксы колониализма

Ульфат АБДУРАСУЛОВ. «Тайны хивинского двора»: политическая
борьба в Хиве в период Российского протектората 38

Татьяна КОТЮКОВА. «Трепещем при мысли остаться в положении
пасынков...» Прошения поволжских татар Туркестанского края ... 57

Александр МОРРИСОН. «Мы не англичане...» К вопросу
об исключительности российского империализма 69

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Виктор МОИСЕЕНКО. Фаришане и парижане. Сырдарьинские этюды ... 79

БИБЛИОТЕКИ, БИБЛИОТЕКАРИ, ЧИТАТЕЛИ

- Евгений БЕТТЕР*. «Открыть в Ташкенте общественную библиотеку...»
Страницы истории Национальной библиотеки Узбекистана
имени А. Навои 85
- Наталья СЕЛУЯНОВА*. Семейная хроника Селуяновых
Публикация О. Илюшкиной 96

ORIENTALIA

- Евангельские истории в произведениях средневековых арабо-
мусульманских историков. Из *Kitāb at-Ta'riḫ* («Книги
истории») ал-Йа'куби. *Перевод и комментарии*
Камола ШАНИЯЗОВА 109

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

- Размышления над Евангелием: страницы протоиерея *Сергия СТАЦЕНКО*
Отложенное покаяние 115

Тема: Поэзия и Вера

- «Мое сознание закрыто для неверия...». На вопросы ВС отвечает
поэт *Борис ХЕРСОНСКИЙ* 120

Социальные страницы *Лилии КАЛАУС*

- Художники, писатели, музыканты – или кощунники,
богохульники и святотатцы? 125

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*

- История семьи как оправдание «большой» истории 128

Тема: Религиозные символы в искусстве Средней Азии

- Елена ПОТОРОЧИНА*. Изображение скрещенных на груди рук в
христианском искусстве раннесредневековой Средней Азии 131

Эльмира ГЮЛЬ. Домусульманские символы в узорах сюзане 135

Авторы номера 142

Информация для авторов 143

Ульфат АБДУРАСУЛОВ

«Тайны хивинского двора»: политическая борьба в Хиве в период Российского протектората

В преддверии Первой мировой войны устоявшееся течение политической жизни Хивинского ханства, находившегося почти полвека под протекторатом Российской империи, было нарушено двумя чрезвычайными событиями.

Первое из них (1911–1912) было связано с арестом и длительной опалой группы влиятельных чиновников, известной как «партия диванбегийцев».

Второе – с дерзким и кровавым убийством в августе 1913 года Саййида Ислам-Ходжи – главного визиря (*вазир-и акбар*) и основного проводника намечавшихся реформ административной и финансовой системы ханства. Убийство формально так и осталось нераскрытым.

Оба этих события породили множество слухов, домыслов и спекуляций и продолжают привлекать внимание историков¹. В этой статье на основе различных источников (агентурных донесений и рапортов российской администрации, материалов хивинских авторов – современников этих событий и т.д.) предпринята попытка восстановить их историю. Мы попытаемся заглянуть в отдаленные закоулки хивинского двора², приоткрыть некоторые тайны местной придворной жизни начала XX столетия, определить главных действующих лиц и мотивы их действий. А в более широкой перспективе – частично затронуть вопрос: что же представлял собой «Хивинский протекторат»?

Установление Российского протектората над Хивой

В результате аннексии Российской империей территорий Кокандского ханства (1865, 1876) и части Бухарского эмирата (1868) и создания на их основе Туркестанского генерал-губернаторства (1867), границы империи вплотную приблизились к Хивинскому ханству. Хива была в то время, по выражению Сеймура Беккера,

«наиболее проблемным соседом России»³. Обострились противоречия, связанные с определением границ и сфер влияния между двумя государствами: со стороны побережья Каспийского моря, песков Кызыл-кума, низовьев Сырдарьи.

Для утверждения своего влияния российская сторона предприняла ряд действий – от снаряжения карательного отряда в низовья Сырдарьи⁴, наращивания своего присутствия на восточном берегу Каспия до ультимативных посланий хивинскому правительству с требованиями значительных уступок⁵. Хива, в свою очередь, совершала встречные «недружелюбные маневры»⁶. Хивинские элиты, вероятно, полагались на географическую труднодоступность оазиса, окруженного пустынями, которые служили препятствием для масштабных военных операций⁷. Кроме того, еще была свежа память о прежних неудачных военных российских экспедициях в Хиву⁸.

В сентябре 1871 года начались рекогносцировочные продвижения русских отрядов со стороны Каспийского моря (Красноводского залива) и Джизака до пределов Хивинского оазиса. Уверенность Хивы в своей недоступности пошатнулась; правящие круги ханства были вынуждены пойти на поиск дипломатических путей решения конфликта⁹.

Однако процесс российского продвижения к тому времени уже принял необратимый характер и «погибель Хивы считалась... лишь вопросом времени»¹⁰. Тому способствовали как общая динамика продвижения России вглубь региона, так и личная инициатива первого Туркестанского генерал-губернатора Константина фон Кауфмана¹¹. В Петербурге также рассматривали сложившуюся в 1872 году международную обстановку как относительно благоприятную для военных действий против Хивы¹².

В результате в марте 1873 года был начат поход против Хивинского ханства. Под общим командованием фон Кауфмана было задействовано в общей сложности 12 300 солдат. Русские войска выступили по направлению к Хиве с четырех сторон – Ташкента, Казалинска, Оренбурга и из двух точек на Каспии (Красноводска и Мангышлака). Уже 29 мая 1873 года они вошли в Хиву, покорив перед этим практически все основные стратегические пункты ханства. Хивинский правитель Мухаммад Рахим II, бежавший из Хивы несколькими днями ранее, в начале июня был возвращен в столицу и утвержден русскими властями в качестве верховного правителя ханства, признающего себя, вместе с тем, «покорным слугою императора Всероссийского»¹³.

Последующие недели были использованы российскими властями для организации управления на завоеванных территориях, а также для проведения ряда экспедиций против туркмен-йомудов, продолжавших оказывать сопротивление¹⁴. Среди осуществленных организационных мероприятий следует отметить принятие 12 июня 1873 года хивинским ханом манифеста об отмене рабства в пределах Хивинского ханства, а также ликвидацию влиятельной антироссийской группировки при дворе, возглавляемой Мухаммад Мурадом-диванбеги. Последний вместе с другим чиновником – Рахматуллой Ясаулбаши был отправлен в ссылку, первоначально в Казалинск, а позднее в Калужскую губернию¹⁵.

12 августа 1873 года между хивинской и российской сторонами был подписан мирный договор, получивший название Гандемианского. Для российской стороны он был гораздо более выгодным с точки зрения обеспечения ее господства и «рас-

ширенных прав» в Хиве, нежели прежние договоры с Бухарой и Кокандом. В частности, хивинский хан отказывался

от всяких непосредственных и дружеских сношений с соседними владетелями и Ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров ... без разрешения высшей русской власти¹⁶.

Трактат также закреплял ряд территориальных уступок Хивы в пользу России. Ханство отказывалось от своих претензий на Устюрт, восточное побережье Каспийского моря, левобережье Сырдарьи. Наиболее чувствительной потерей стала передача всех хивинских владений на правом берегу Амударьи. Значительные преференции по новому договору получала и русская торговля¹⁷. Таким образом, завоевание Хивы стало «пиком российского продвижения в Средней Азии указанного времени» и в значительной мере «укрепляло ее позиции в Азии»¹⁸.

С самого начала подготовки к завоеванию Хивы российские власти в Ташкенте и в Петербурге были более или менее единодушны в вопросе о необходимости избежать аннексии ханства. Предполагалось ограничиться лишь показательной «поркой» Хивы, продемонстрировав «и ее досягаемость, и слабость»¹⁹. Главной же целью было включение Хорезма в орбиту прямого влияния России, что и было достигнуто. Поэтому практически сразу же после заключения договора российские войска стали покидать территорию ханства, возвращаясь к местам своей постоянной дислокации. В качестве меры сдерживания и влияния на Хиву на правом берегу Амударьи, примерно в 40 милях от столицы ханства, 21 августа 1873 г. начаты были работы по возведению форта Петро-Александровск. Название крепости было дано в память российских императоров Петра I и Александра II. Новое укрепление было расположено в десяти километрах от переправы через Амударью у города Ханки. Расположение крепости в относительной близости от основных центров ханства, по свидетельству Ф. Лобысевича, давало возможность «постоянно следить и своевременно знать о всем совершающемся в Хиве»²⁰.

Из аннексированных земель правобережья Амударьи с центром в Петро-Александровске в том же году был образован Амударьинский округ, переименованный в 1874 году в Амударьинский отдел (АДО) в составе Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства²¹. Согласно Положению об управлении Туркестанским краем 1886 года, новая административная единица «представляла собою что-то промежуточное между уездом и областью»²². Начальником отдела был назначен полковник Н.А. Иванов (в должности – 1873–1877), являвшийся одновременно руководителем гражданской и военной администрации отдела. В его обязанности входили также осуществление всех видов сношений с Хивинским правительством, сбор информации и контроль над внутренними делами ханства, а также, в случае необходимости, оказание военной поддержки хивинскому хану (в особенности при выступлении туркмен). Создание Амударьинского отдела, с более или менее автономной администрацией и военным гарнизоном, позволяло русским властям в Туркестане иметь действенный инструмент воздействия на Хиву.

Одним из ключевых направлений стало налаживание постоянно действующего документо- и письмооборота между империей и ханством. О том, насколько боль-

шое внимание уделялось этому вопросу со стороны русских властей, можно судить из предписания (от 14 ноября 1897 года) Туркестанского генерал-губернатора к недавно назначенному Начальником АДО полковнику А.С. Галкину (в должности – 1896–1902). Начальник края настаивал на необходимости разъяснения хану, что

предложения русских властей <...> всегда направлены, между прочим, к пользе управляемого им (ханом – УА.) народа и потому ответы на разного рода запросы русских властей задерживать не следует, без вполне уважительных к тому причин²³.

В сфере обсуждения между Хивой и Петро-Александровском находился широкий спектр вопросов²⁴: от согласований сроков и деталей поездки хивинского правителя в Санкт-Петербург и выделения хивинцам военного снаряжения для оснащения внутренних войск до расследований по разнообразным бытовым конфликтам, вопросам орошения и т.д. Оставаясь формально отстраненной от внутренних дел ханства, русская администрация, тем не менее, пыталась быть в них осведомленной и держать под контролем ключевые аспекты внутренней политики ханства.

В свою очередь, эта активная переписка способствовала развитию внутреннего делопроизводства в Хивинском ханстве. Необходимость своевременного ответа по многочисленным запросам русской администрации стимулировала развитие внутреннего канцелярского делопроизводства и его систематизации. Ведение переписки по определенным вопросам на протяжении длительного периода подразумевало неоднократные ссылки на предыдущие письма. Это, в свою очередь, стимулировало развитие системы фиксирования, хранения и архивирования документов в Хиве, их внутренней взаимосвязи, а также увеличило аппарат чиновников и писарей.

Дальнейшая политика Российской империи в отношении Хивинского ханства развивалась в контексте дебатов между сторонниками и противниками «полного присоединения» Хивы. Выразители обеих этих позиций были и среди колониальной администрации Ташкента и Петро-Александровска, и в высших эшелонах власти в Петербурге. В соответствии с характером развития этих дебатов определились контуры и степень вмешательства русских властей во внутренние дела ханства.

Генерал-губернатор Туркестанского края барон А.Б. Вревский (в должности – 1889–1898) пытался обозначить основные контуры взаимоотношений империи с Хивой таким образом:

Русские власти Туркестанского края должны поддерживать существующее в Хивинском ханстве правительство, устраняя обстоятельства, могущие привести к нарушению порядка и спокойствия в ханстве. <...> При этом надлежит сохранить за Хивинским ханом ту самостоятельность по отношению к делам внутреннего управления ханства, коей он ныне пользуется. Вмешиваться в управление ханом своими подданными значило бы принимать на себя ответственность за недостатки этого управления, ответственность, которая всецело должна лежать на самом хане и его советниках²⁵.

Границы полномочий администрации Амударьинского отдела в отношении «внутренних дел ханства» оставались неопределенными. М. Терентьев, например, характеризовал инструкции, предписанные Начальникам АДО, как «туманные» и дававшие возможность российским чиновникам по собственному усмотрению «прони-

катель в пределы ханства для вмешательства во внутренние дела его под благовидным предлогом»²⁶. Известный российский востоковед Н.С. Лыкошин, будучи в 1912–1914 годах Начальником АДО, был вынужден признать неопределенность своих полномочий. Особенно это касалось тех случаев, когда возникала необходимость оказания давления на хивинские власти в вопросах внутреннего управления ханством. В своей служебной записке он отмечал, что его действия в отношении хивинского хана «стесняет» то обстоятельство, «что во всех инструкциях ..., во всех переписках о пограничных сношениях с Хивой красной нитью проходит признание за Ханом абсолютного (!) права независимо распорядиться внутренними делами Ханства. То же говорится и в договоре Гандемианском». В таких условиях, констатирует Начальник АДО, «наше решительное вмешательство» может стать «явным нарушением прав Хана в смысле внутреннего управления Ханством»²⁷.

Примечательно, что ни российскими авторами того периода, ни чиновниками колониальной администрации в регионе термин «протекторат» для обозначения политического статуса Хивинского владения практически не использовался²⁸. Обычно говорилось о «вассальной зависимости», «автономии», «полусамостоятельном государстве».

В целом же, отсутствие определенности во взаимоотношениях метрополии со своим протекторатом, сфере компетенции и полномочий чиновников создавало широкий простор для индивидуальных действий и инициатив, неформальных договоренностей и «подковерной» борьбы. Представители колониальной администрации, вовлеченные по роду своей службы в «хивинские дела», стремились налаживать личные контакты в хивинской политической среде – как при ханском дворе, так и далеко за его пределами. Это давало возможность получать альтернативную информацию и иметь инструменты влияния. В свою очередь представители хивинских элит, включая и туркменских предводителей, искали (и находили) покровителей в лице представителей имперского истеблишмента и пользовались их протекцией для продвижения своих интересов.

Все это нашло выражение в событиях, последовавших после смерти Мухаммада Рахим-хана II в 1910 году.

«Баланс сил» при хивинском дворе и арест «диванбегийцев»

К концу правления Мухаммада Рахим-хана II (1865–1910) при дворе хивинского правителя сформировались контуры двух влиятельных группировок.

Первая из них возглавлялась сыновьями Матмурада (Мухаммад Мурада)-диванбеги. После возвращения из калужской ссылки в 1880 году этот высокопоставленный чиновник был восстановлен в должности и почти до своей смерти в 1901 году осуществлял фактическое руководство ханством²⁹. После его смерти сыновья – Мухаммад Хусайн-бек, унаследовавший от отца пост диванбеги, а также Шайх Назарбай и Аман Келди-бай, входившие в ближайшее окружение хана, продолжали удерживать в своих руках значительную политическую власть.

Лидером второй группировки принято считать Саййида Ислам-Ходжу. К 1908

году он стал одним из наиболее влиятельных сановников ханства – в его ведении находились вопросы финансового управления. Мухаммаду Рахим-хану II, видимо, удавалось сдерживать взаимные претензии и амбиции обеих группировок. Это обстоятельство отмечал, в частности, Н. Лыкошин, находившийся уже позднее, после смерти хивинского хана, в должности Начальника АДО (1912–1914). Мухаммад Рахим-хан, писал Лыкошин,

хотя и имел подле себя нескольких выдающихся сановников, но бразды правления твердо держал в своих руках, и народ это очень хорошо знал³⁰.

О том же доносил он в своих секретных рапортах на имя Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова (в должности – 1909–1914):

Еще при покойном хане при хивинском дворе шла постоянная борьба. Диванбеги Мад Мурад и Ибрагим Ходжа (отец Сеид Ислам* Ходжи) оспаривали друг у друга первенство при Рахим Хан Багадуре. Старый хан, обладавший твердым характером, всеми силами старался прекратить эту вредную борьбу двух враждебных партий и для этой цели настоял даже на женитьбе <...> Сайид Ислам Ходжи на дочери Мад Мурада Диван-беги³¹.

После смерти Мухаммада Рахим-хана 16 августа 1910 года на престол с одобрения русских властей был возведен его сын Асфандияр (1910–1920). Противоборство придворных элит еще более обострилось: началась борьба за влияние на молодого правителя. Восхождение на престол нового хана совпало и с настоятельными требованиями российской администрации по проведению реформ, прежде всего, в администрации и финансовом управлении ханства. Основная идея реформ заключалась в реорганизации административного и финансового управления протектората и приближения к нормам и стилю административного и финансового управления метрополии. Реформы предполагали более четкое определение круга полномочий должностных лиц и получение ими фиксированного жалования из казны, проведение полномасштабного кадастрирования земель и их равномерного налогообложения, упорядочение трудовых повинностей и др.³².

Ставка в реализации данной задачи делалась на Сайида Ислам-Ходжу³³, слывшего реформатором и сторонником умеренной либерализации. Соответственно, еще более укрепились его позиции и влияние на молодого хана. Вскоре он был возведен в должность главного визиря (*вазир-и акбар*) и фактически превратился в самого могущественного чиновника ханства. Он контролировал основные административные и финансовые дела, в его ведении находились официальные контакты ханства с российской администрацией. По его рекомендации назначались чиновники на ключевые должности; для того, чтобы добиться решения любого вопроса, нужно было непременно заручиться поддержкой *вазир-и акбар*'а³⁴. В доме Сайида Ислам-Ходжи сформировалось нечто вроде альтернативного, или «малого», двора, где обсуждались важные государственные вопросы. Туда, наряду с двором хана, приходили многие чиновники для «саляма» – традиционного приветствия придворных своему сюзеру.

* В документах написание имен хивинских политических деятелей оставлено без изменений. (Прим. ВС.)

Согласно информации Н. Лыкошина, Саййид Ислам-Ходжа

увлекся властолюбием и, понемногу, сосредоточил в своих руках все отрасли власти. <...> На должность беков и при дворе новый временщик поставил <...> преданных себе людей. <...> В своем стремлении к единовластию Сеид Ислам Ходжа сводил свои давнишние счеты с сыновьями покойного Диван-беги Мад Мурада, пользовавшегося при покойном хане значительным влиянием и занимавшего ответственные должности³⁵.

Однако и сам хан уже не хотел довольствоваться ролью марионеточного правителя. Он пытался играть на противоречиях между своими приближенными, особенно той их части, чье возвышение состоялось еще при покойном хане. Судя по всему, ему это удалось. Первым актом этого противостояния стал арест в 1911 году трех сыновей Мухаммада Мурада-диванбеги. Им были предъявлены туманные обвинения в составлении некоего воззвания против реформ правительства и самого хана. Все их имущество было конфисковано. Главный министр (*вазир-и акбар*) ханства Саййид Ислам-Ходжа в своем письме на имя временно исполняющего должность Начальника АДО полковника П.Ф. Васильева, мотивируя причины ареста чиновников, сообщал, что предполагаемые хивинским правительством реформы «были не в интересах некоторых состоящих при Его Светлости сановников, которые извлекали личную пользу еще при старом режиме». В результате последними якобы было организовано «несколько тайных совещаний, на которых было решено тайно восстановить народ против нововведений». При этом «злоумышленники» «от имени населения составили протест ..., выразив несогласие с изложенным в ярлыке и допустив неприличные выражения», и спровоцировали акты «волнений и сопротивления власти» среди населения некоторых городов³⁶.

Между тем, Палван-Нийаз Юсупов, очевидец этих событий, в своих мемуарах отмечал, что составление данного воззвания, направленного прежде всего против Саййида Ислам-Ходжи, было в действительности инициативой самого Асфандияр-хана. Последний пытался таким образом столкнуть влиятельных сановников друг с другом.

Хан начал вести интриги против сановников и крупных должностных лиц, служивших его отцу. <...> При наличии у власти этих сановников, его приверженцы не могли иметь авторитета в глазах народа. <...> Главным образом он боялся авторитета и влияния Ислам-Ходжи; боялся, что он, пользуясь своим положением, возьмет в свои руки управление государством. <...> Он (Хан. – У.А.) призвал к себе сановников и высказал свои сомнения [в отношении Ислам-Ходжи]; доверчивые же сановники, не подозревая интриги и хитрости Хана, начали [открыто] выражать свое недовольство Ислам-Ходжой. [Тогда] Хан предложил написать на Ислам-Ходжу коллективное заявление с изложением всех претензий. <...> Приняв [затем] от них это заявление, <...> Хан показал его Ислам-Ходже. <...> Этой интригой Хан преследовал определенную цель – усилить неприязнь, создать раскол между сановниками, служившими его отцу, расшатать их авторитет и влияние. <...> Для Хана было ясно, что при наличии союза и сплоченности между этими сановниками, Хан не мог чувствовать себя хозяином ханства и быть свободным в своих действиях³⁷.

Позиция и действия русских властей в связи с этим вопросом отражают политику России в отношении протектората в Хиве в целом. С одной стороны, они старались придерживаться принципа формального невмешательства во внутренние дела ханства. Власти в Ташкенте и Санкт-Петербурге, очевидно, полагали, что прямое давление на хана, равно как любые очевидные шаги в данном направлении, повлекут

падение авторитета последнего. Они также не желали, чтобы действия России могли быть интерпретированы как поддержка той или иной группировки. Колониальная администрация опасалась превратиться в «участвующую сторону конфликта», на которую будет возложена «нравственная ответственность» за последующее развитие событий³⁸.

С другой стороны, российская администрация в регионе не могла допустить, чтобы развитие событий в ханстве оказалось вне ее контроля. Сам арест «диванбегийцев», судя по внутренней переписке, произошел без ведома колониальных властей³⁹. Они были также всерьез обеспокоены усилением «единовластия» Саййида Ислам-Ходжи. Особую тревогу вызывали периодически поступавшие агентурные данные о прямых или опосредованных контактах последнего с представителями Османского правительства. В создавшейся ситуации был максимально мобилизован сбор информации, в том числе агентурных сведений, о событиях внутри двора, а также инициирован ряд встреч с ханом. На этих встречах хану «время от времени разъяснялось отношение Русской власти к опальным сановникам» – то есть к арестованным сыновьям Матмурада-диванбеги. Так, 4 августа 1912 года Хиву специально для встречи с ханом посетил военный губернатор Сырдарьинской области А.С. Галкин в сопровождении Начальника АДО Н.С. Лыкошина. На этой встрече высшие чины колониальной администрации «дали понять хану, что русскими властями обращено должное внимание на постигшую сыновей диванбеги Мад Мурада опалу»⁴⁰.

В Ташкенте и Петро-Александровске не был оставлен без внимания также тот факт, что из девяти сановников, обвинявшихся в подписании воззвания, только четверо были подвергнуты аресту и конфискации имущества. Как отмечал в своем рапорте Лыкошин:

Что бы ни говорил сам хан, <...> степень вины трех сыновей Мад-Мурада Диван-беги остается совершенно недоказанной⁴¹.

Такая избирательность местного правосудия позволяла русским чиновникам смотреть на действия хана как «на провокацию заговора с целью избавиться от популярных в народе сыновей Мат Мурада Диванбеги»; «участие в заговоре является лишь предлогом к устранению власти нежелательных сановников и к завладению их богатствами»⁴².

Однако до поры до времени основным инициатором этих событий русские власти были склонны рассматривать Саййида Ислам-Ходжу, отводя хану роль послушного исполнителя его замысла. Хан, как предполагалось, был неспособен «по своему нерешительному характеру <...> силою своей власти прекратить вражду двух группировок» и «обойтись без помощи Саид Ислама Ходжи»⁴³.

Пока Саид Ислам Ходжа монополизировал в своих руках власть и влияние на хана, не видать свободы мешающим единовластия «вазири-акбара» в Хиве⁴⁴.

Конечно, как свидетельства Палван-Нийаза Юсупова, на тот период – одного из близких людей Хусайна Мурада-диванбеги, так и данные Н. Лыкошина должны быть приняты во внимание с известной долей критичности. Вместе с тем, сведения обоих

источников позволяют заключить, что более всего выиграл от развернувшихся придворных баталий непосредственно Асфандияр-хан. Умело использовав нараставшее среди части «служивого сословия» недовольство усилением единовластия Саййида Ислам-Ходжи, он спровоцировал их открытое выступление, сам же занял место «над схваткой». Взяв на себя функции арбитра, он тем самым вынуждал обе стороны конфликта апеллировать к нему, ставя их в положение, зависимое от принимаемых им решений. Действуя таким образом, как будет показано ниже, Асфандияр-хан смог существенно ослабить потомков Матмурада-диванбеги и близких к ним элит, а затем начать нейтрализацию влияния и самого Саййида Ислам-Ходжи.

«Теперь единовластию Саид Ислам Ходжи пришел конец...»

Вопреки прогнозам колониальных чиновников, арест «диванбегийцев» отнюдь не способствовал упрочению позиций Саййида Ислам-Ходжи. Этот инцидент все больше использовался оппонентами влиятельного сановника при дворе для его дискредитации как среди населения ханства, так и в глазах русской администрации. В ноябре 1912 года Н. Лыкошин в своем рапорте на имя Туркестанского генерал-губернатора доносил, что с арестом сыновей Матмурада «борьба партий отнюдь не прекратилась, а лишь приняла характер тайного, скрытого брожения в закоулках дворца Хивы»⁴⁵.

Ставку в этой игре Асфандияр-хан сделал на своих приближенных, не занимавших ключевых позиций при его отце и обязанных своим выдвижением прежде всего нынешнему хану. Лыкошин называет «душой этой придворной интриги» Мухаммада Вафу (Матвафу) Караванбаши (Баккалова), «именующего себя министром промышленности и торговли».

Этот сановник, не пользовавшийся до сего времени значительным влиянием при дворе хана, в свое время принимал участие в обнаружении заговора, послужившего поводом к удалению от должностей сыновей Диван-беги, но в то же время [не только] не подчинился Саид Исламу Ходжи, а повел интригу против него⁴⁶.

В качестве другого «тайного обитателя двора» Лыкошин упоминает Туру Ибрагим-Ходжу – воспитателя наследника хивинского престола Темура Гази. Тура Ибрагим-Ходжа, по его сведениям, первоначально был замешан в заговоре наряду с «диванбегийцами», однако не только не был наказан, но и продолжал активно интриговать против главного министра⁴⁷. Итак, одновременно с ослаблением «диванбегийцев», при дворе исподволь шла работа по ослаблению позиций самого Ислам-Ходжи.

В своих рапортах Лыкошин неизменно докладывает о настроениях в широких массах Хивы и их отношении ко всем этим процессам. Так, в своем донесении от августа 1912 г. чиновник сообщает о «простом народе, симпатизирующем осужденным»⁴⁸, которые «в глазах народа сделались жертвою <...> властолюбия вазири-акбара Саид Ислам Ходжи»⁴⁹. Спустя некоторое время Лыкошин констатирует продолжающийся рост «недовольства в общем настроении в ханстве существующими нынче порядками» и то, что «все чаще слышится протест против самовластия вазири-акбара...»⁵⁰.

Народу хочется верить, что и служебная карьера невинно, по их мнению, осужденных не кончена, а в нужную минуту Хан может совершенно неожиданно призвать их к власти⁵¹.

И, наконец, сразу же по освобождении «диванбегийцев» и восстановлении их в прежних должностях в декабре 1912 г., чиновник информирует, что

помилование сановников <...> и народом было встречено восторженно, как проявление ранее нарушенной справедливости по отношению к популярным у хивинцев придворным⁵².

Как и при каких условиях произошло снятие с арестованных «диванбегийцев» опалы? Обратимся вновь к подробным рапортам Начальника АДО. В своем рапорте от сентября 1912 года Лыкошин обращает внимание на определенные послабления в отношении опальных чиновников. В частности, он сообщает о снятии постоянного караула у их домов, а также допущение их, «ранее безвыходно находившихся в своих домах», к участию в общей праздничной молитве по случаю завершения поста в месяц Рамазан⁵³.

6 ноября 1912 года, во время празднования в Хиве Курбан-байрама, опальные были допущены уже к традиционной церемонии приветствия хана – «салям» – во время его торжественного выезда из своей резиденции Нурулла-бай. По свидетельствам очевидцев, «хан искоса посмотрел на опальных сановников, приветствовавших его, проведя затем по бороде рукой, <...> [тем самым] принимая приветствие». Этот едва заметный знак «все присутствующие заметили и истолковали в том смысле, что Хан не сердится [более] <...> и принимает их поклон». В тот же момент из толпы вышла какая-то старуха – как говорили, мать опальных сановников. Она стала

громко проклинать Саид Ислама Ходжу и <...> так же громко благословляла милостивого Хана... Эта выходка старухи произвела сильное впечатление на толпу⁵⁴.

Безусловно, что допущение опальных чиновников к торжественному приветствию и, в особенности, проклятия «старухи» в адрес главного министра не могли произойти без ведома и согласия хана (или его новых советников) и имели вполне определенное назначение. В условиях Хивинского ханства подобные символические жесты обладали не меньшим, а, пожалуй, и большим эффектом, нежели формальные официальные действия. Не случайно в одном из своих рапортов Лыкошин отмечает, что население очень чутко прислушивается к происшествиям при дворе и делает соответствующие выводы. Инцидент с «проклятиями» предвещал изменение баланса сил при дворе и ослабление власти первого министра.

Наконец, 8 декабря 1912 г., спустя пятнадцать месяцев опалы, состоялось помилование «диванбегийцев» и их восстановление в прежних должностях. Судя по тону и содержанию донесения Лыкошина, это событие стало полной неожиданностью не только для колониальной администрации в крае, но и для самих придворных. Вот как Лыкошин описывает его со слов своих информаторов при хивинском дворе:

Утром 8 декабря Хан <...> без всякого предупреждения или совещания с кем-либо, приказал призвать к себе опальных сановников. Когда их звали, никто не знал, зачем их зовут. Первым вошел поспешивший на зов хана Шейх Назар-бай. <...> Хан сидел на мраморном возвышении, где

он располагается, посреди двора для разбора жалоб. Юсуф Есаул-баши стоял при этом на своем обычном месте. <...> Хан приказал ему удалиться, а Шейху Назар-баю приказал занять его место, пояснив, что он назначает его на должность Есаул-баши, которую Шейх Назар занимал до опалы.

Вошли затем остальные опальные сановники, и всем им Хан объявил о помиловании. Таким образом, Хусайн-бек был восстановлен в должности Диван-беги, которая, по его смене, оставалась вакантной, а Аманкелди, третий сын [Матмурада] Диван-беги, был назначен по-прежнему состоять в совете сановников хана. Вызван был также находящийся в опале Саибназар и восстановлен в должности Мехтара, остававшейся [в течение всего периода опалы] вакантною⁵⁵.

Конечно, на решение о помиловании опальных чиновников повлиял целый ряд обстоятельств: заступничество за них представителей колониальной администрации и некоторых придворных групп, симпатии к осужденным населения. Похоже, что ситуация была выгодно использована ханом и его новым окружением в борьбе против первого министра.

Не случайно в рапорте от 8 января 1913 года Начальник АДО сообщал:

...Хлопоты о восстановлении в должности сановников велись настолько умело и тайно, что Саид Ислам Ходжа не имел возможности раскрыть заблаговременно интригу и помешать ее развитию. По полученным мною сведениям, Саид Ислам Ходжа был ошеломлен совершенно самостоятельным на этот раз решением Хана и когда узнал, что Хан зовет к себе сановников, не мог догадаться, что последует амнистия⁵⁶.

В результате, практически сразу же после помилования

при хивинском дворе началась скрытая глухая борьба сановников, направленная уже не только к ослаблению власти Ислам Ходжи, а по-видимому к совершенному дискредитированию в глазах хана его первого сановника⁵⁷.

Излагая свои прогнозы дальнейшего развития событий, Лыкошин полагал:

Хан до времени будет дорожить Саид Ислам Ходжой, прежде всего по родству с ним и вследствие того, что считает его знатоком пограничных сношений, с которыми другие сановники недостаточно знакомы⁵⁸.

Однако последнему предстоит «борьба с сильнейшим противником», ибо на стороне его оппонентов «и сильная партия, и традиции, и народ»⁵⁹. Так или иначе, по мнению русского чиновника, самое важное свершилось и отныне «единовластие Саид Ислам Ходжи пришел конец»⁶⁰.

В своем ответном послании Начальник края предписывал Начальнику АДО «внимательно следить за борьбою сановников» и «продолжать поддерживать справедливые требования помилованных ныне опальных и ограбленных сановников»⁶¹. Колониальные власти были все более обеспокоены участвовавшими контактами первого министра с представителями Турции и Ирана⁶². В своей записке на имя Военного министра Самсонов настаивал на «необходимости ныне же принять меры против единовластия Ислам Ходжи» хотя бы посредством «восстановления того равновесия, <...> которое существовало до 1910 г.»⁶³.

Похоже, «единовластие» Сайида Ислам-Ходжи становилось обременительным не только для хивинских элит, но и для колониальной администрации в крае.

Убийство в ночи

9 августа 1913 Саййид Ислам-Ходжа был убит. Расследование убийства не принесло никаких результатов; более того, они откровенно затемнялись хивинскими властями. По-видимому, оно было результатом заговора, в который были вовлечены высшие должностные круги ханства, и вряд ли могло произойти без санкции самого Асфандияр-хана. В любом случае, устранение Саййида Ислам-Ходжи укрепляло позиции хана, а также означало крушение надежд на проведение реформ.

В нашем распоряжении имеется несколько более или менее детализированных описаний событий, произошедших непосредственно в день убийства и вскоре после него. Одно из них – рапорт генерал-губернатора Туркестанского края А.В. Самсонова министру иностранных дел, составленный «по горячим следам» в ноябре 1913 года на основе донесений Начальника АДО и других сообщений агентурного характера⁶⁴.

Другие описания принадлежат группе хивинских авторов, создавших в 1920-е – 1960-е годы целую россыпь работ о последних десятилетиях существования Хивинского ханства. Большинство из этих авторов были современниками описываемых событий (например, Абдулла Балтаев, Бабаджан Сафаров) или даже их очевидцами, имевшими то или иное отношение к событиям при хивинском дворе (Хасанмурад Лаффаси, Бабаджан Таррах).

Начнем с рапорта Туркестанского генерал-губернатора. Восстанавливая последовательность событий, Начальник края обращает внимание петербургского начальства на то, что Ислам-Ходжа «в последнее время перестал ездить с сильным конвоем и принимать меры к охране своей безопасности». Произошло это, как полагает А. Самсонов, «по настоянию самого Хана», вследствие чего первому министру «поневоле пришлось <...> обходиться без конвоя». 9 августа вечером Саййид Ислам-Ходжа, как обычно, приехал в резиденцию хана, дворец Нурулла-бай, однако по непонятным причинам оказался «один (без сопровождающего и без телохранителя), не с тем кучером, с которым ездил обычно». Убийство было совершено поздно вечером того же дня при возвращении первого министра с аудиенции в собственную резиденцию в Кибла Таза-баг. «По слухам, – продолжал Самсонов, – нападение было совершено двумя лицами, так что один занялся кучером, которого изранил шашкой, а другой зарезал Ислам Ходжу. <...> Люди эти скрылись ... и не были опознаны, так как фонари были [в тот вечер] потушены». Первичный осмотр места преступления показал, что «покойный после убийства не был ограблен, хотя при нем были весьма ценные вещи и деньги»⁶⁵.

Далее глава русской администрации обращает внимание на подозрительную пассивность хивинских властей при проведении розыскных мероприятий.

Придя в себя на другой день после совершения убийства, кучер оговорил трех лиц из числа слуг Шейх Назара Ясаулбаши (одного из сыновей Матмурада-диванбеги – У.А.). По этому оговору трое указанных лиц были арестованы и подвергнуты допросу. <...> Все обвиняемые упорно стояли на том, что никакого участия в убийстве не принимали⁶⁶.

Самсонов полагал, что хотя убийство было совершено в отношении «первого сановника» и, следовательно, «должно было рассматриваться как событие государственной

важности», хивинские власти и ближайшие родственники потерпевшего удовлетворились результатами допроса и приняли решение более не продолжать его.

Сам хивинский народ до крайней степени удивлен был таким необычным исходом дела. <...> Пришлось допустить, что сам хан, в своих интересах, мог пожелать устранить своего первого сановника⁶⁷.

Далее Самсонов рассуждает о возможных мотивах этого убийства. По его сведениям, в последнее время между хивинским правителем и его высшим сановником возникли серьезные противоречия. Последний будто бы «открыто проявлял свое исключительное влияние на Хана, доходя даже до отмены ханских решений». Серьезные разногласия между сторонами, как отмечается в докладе, сложились и по вопросам распределения финансов ханства. В результате, «вражда Хана с первым сановником достигла крайнего предела». Сообщая об исполнителях, «народная молва приписывает исполнение над Ислам-Ходжой ханского приговора некоему Яхши Мурад-баю, одному из начальников конной стражи». Само же убийство «совершил некто Курбан-бай, нукер из Ташауза»⁶⁸.

Сообщения хивинских авторов дают несколько иную интерпретацию как самих событий, так и участия в них главных действующих лиц. Наиболее обстоятельно это событие изложено в сочинении Абдуллы Балтаева «Материалы к истории Хорезма» (*Харазм тарихига материаллар*)⁶⁹. Конечно, следует подходить весьма осторожно к отдельным положениям автора, как, например, к приписываемым действующим лицам некоторым поступкам и высказываниям, которые вряд ли могли быть известны хивинским обывателям. Скорее он передает некое совокупное мнение, суммируя те слухи, догадки и предположения, которые циркулировали в хивинском обществе. Следует также принимать во внимание, что само сочинение было составлено спустя несколько десятилетий после произошедших событий, в эпоху господства совершенно иных идеологических парадигм.

По сообщениям Балтаева, разногласия между ханом и его главным министром произошли, прежде всего, в вопросах использования средств казны, которые хан предпочитал расходовать на свои собственные потребности, в то время как Ислам-ходжа ратовал за их использование «на нужды государства и народа» (*йуртни ва халкларни файдаси учун*). Не желая терпеть более «самоуправство» своего министра, Асфандияр-хан тайно поручил Шайху Назар-баю организовать его убийство таким образом, чтобы отвести подозрение от них обоих. Шайх Назар-бай, как утверждает Балтаев, выразил готовность исполнить поручение только в случае открытого повеления хана в присутствии самого Саййида Ислам-Ходжи (*Ислам Хаджани узи килган вақтида уз агзингиз бирлан буйурасиз*)⁷⁰.

Другой хивинский автор, Бабаджан Таррах, дает более ясное объяснение данного инцидента. По его сообщению, Шайх Назар-бай в ответ на приказание хана тайно умертвить первого министра изъявил готовность исполнить это только во время официальной аудиенции у хана (*'арз*)⁷¹, следуя, таким образом, некоему кодексу умерщвления политических противников хана.

Подобный ответ Шайха Назар-бая, по сообщениям обоих авторов, был негативно

воспринят Асфандияр-ханом и послужил причиной очередной опалы и домашнего ареста сановника⁷².

Не рассчитывая более на Шайха Назар-бая, продолжает Балтаев, хан поручил исполнение своего замысла другому приближенному, 'Абд ал-Кариму Махраму. Последний не стал выдвигать каких-либо условий и подключил к делу своих подчиненных, неких Яхши Мурад-бая и Курбана Бузчи. Убийство было намечено на вечер 9 августа, когда Ислам-Ходжа должен был возвращаться в свою резиденцию. Предварительно 'Абд ал-Каримом Махрамом были отстранены обычно стоявшие на пути следования главного министра охранники-нукары, а также, под различными предлогами, и его личная охрана. Вследствие полученных ножевых ранений Саййид Ислам-Ходжа скончался на месте, а кучер отделался ранениями. Придя в себя, кучер опознал одного из нападавших, Курбан-бая Бузчи. Под давлением родственников погибшего хивинские власти были вынуждены провести публичный допрос Курбан-бая. Допрос этот происходил при стечении большого числа жителей Хивы и окрестных селений. При этом до допроса Асфандияр-хан, якобы, получил от обвиняемого в присутствии его патрона 'Абд ал-Карима Махрама обещание, что тот ни при каких обстоятельствах не укажет на истинных инициаторов покушения (*хич бир инсан биздан гуман килмасдик*)⁷³. Будучи, однако, подвергнутым во время допроса истязаниям и опасаясь за свою жизнь, Курбан-бай стал прилюдно требовать прекратить допрос. В противном случае он угрожал «раскрыть тайну» и «расстроить планы» (*ишни бузаман диб*) тех, кто его допрашивал⁷⁴. Допрос был немедленно прекращен, а расследование постепенно предано забвению. Тем не менее, заключает Балтаев, «весь народ уже понял, что убийство [Ислам-Ходжи] было совершено по приказу хана».

Таким образом, Балтаев вполне определенно указывает на Асфандияр-хана как главного заказчика убийства Саййида Ислам-Ходжи. Кроме того, он стремится снять подозрения с «диванбегийцев», и в первую очередь с Шайха Назар-бая, делая его скорее жертвой, решившейся на неподчинение бесчестному приказу своего правителя.

Вместо заключения

Убийство Саййида Ислам-Ходжи – влиятельного первого министра, достаточно тесно связанного с политическими кругами России, не могло не вызвать резонанса в российской администрации. Маловероятно, что хан и связанные с ним круги могли решиться на него, не просчитав возможных последствий и не снизив максимально вероятность обострения отношений с российскими властями. Одновременно с арестом «диванбегийцев» была развернута и кампания по дискредитации Саййида Ислам-Ходжи, как в общественном мнении Хивы, так и в глазах русской администрации. Вполне возможно, что именно с этим была связана циркуляция слухов о замешанности *вазири-акбара* в коррупционных сделках, о его контактах с турецкими эмиссарами, а также о возрастающей увлеченности пан-тюркистскими идеями⁷⁵. Подобные слухи, как можно судить, вызывали повышенное беспокойство представителей российских властей как в Ташкенте, так и в Петербурге. Противниками главного министра также осуществлялась работа по развенчанию представления о его неза-

менимости в управлении ханством; одновременно формировался образ Асфандияр-хана как правителя, способного к самостоятельным действиям и решениям. Также все более укреплялась фигура его нового фаворита Матвафы Баккалова, через которого активизировались контакты с представителями российского истеблишмента. У Асфандияр-хана были достаточно влиятельные покровители в среде российских элит. О них упоминают не только хивинские авторы⁷⁶, но и русские чиновники и политические деятели⁷⁷. Н. Лыкошин с растущей озабоченностью информировал начальство о «доброжелателях» хана в среде политических кругов в Ташкенте и Петербурге, благодаря которым многие инициативы российских властей становятся известными хивинскому правителю раньше, нежели Начальнику АДО⁷⁸.

Так что, по-видимому, у инициаторов убийства были достаточные основания предполагать, что физическая ликвидация главного визиря не вызовет санкций со стороны имперских властей, что они смогут смириться с этим инцидентом и предпочтут избежать дальнейшего осложнения отношений с хивинскими властями. Что, собственно, и произошло. Иначе чем объяснить пассивность инициированной Петербургом комиссии по расследованию обстоятельств убийства⁷⁹? К тому же практически сразу после убийства первого министра Асфандияр-хан изъявил готовность пойти на ряд уступок в отношении инициатив русских властей⁸⁰. Подобные сигналы свидетельствовали о готовности хивинских властей безболезненно продолжать диалог с российской администрацией и после устранения Саййида Ислам-Ходжи.

В советской историографии убийство Ислам-Ходжи было использовано в описании «мрачной хивинской действительности» как пример жестокой борьбы «феодалных клик», подстегиваемых колониальными властями⁸¹. В рамках этой парадигмы организация убийства приписывалась «партии реакционеров», возглавляемой сыновьями Матмурада-диванбеги, в частности Шайху Назар-баю Ясаулбаши. Последний изображался как лидер «воинственной клики», «реакционер» и непримиримый противник «реформатора» и «умеренного либерала» Саййида Ислам-Ходжи. Последнему при этом приписывалась «умеренная либеральность», умение находить компромиссные решения, в частности во взаимоотношениях с туркменскими элитами⁸².

Подобная дихотомия – «либерал» Саййид Ислам-Ходжа и «реакционер» Шайх Назар-бай – едва ли выглядит убедительной. Известный тюрколог А.Н. Самойлович, встречавшийся с Шайхом Назар-баем в 1907 году, назвал его «одним из образованнейших и энергичных сановников ханства», во многом благодаря деятельности которого «окрестности Ст[арого] Ургенча снова пришли в цветущее состояние», а также «приведены в полное повиновение йомуды»⁸³. Большинство из цитированных выше хивинских авторов упоминали высокую образованность Шайха Назар-бая, его умение успешно разрешать конфликты с туркменами⁸⁴. Это же отмечали и представители русской администрации в крае⁸⁵. Тогда как политика Саййида Ислам-Ходжи в отношении туркмен, по мнению колониальных чиновников, исчерпала себя, и он «за это и не пользуется среди туркмен популярностью»⁸⁶.

Мы приводим эти сведения не для того, чтобы, разрушив одну устоявшуюся парадигму, взамен ее возвести другую. Мы лишь стремимся показать, что такие определения, как «либерал», «реформатор», «реакционер» и «консерватор» не могут быть использованы для объяснения мотивов, стратегий и действий политических деяте-

лей рассматриваемого периода. Последние могли, в соответствии с возникающими задачами, менять тактику и стратегию и выступать одновременно с самых противоположных позиций. Так, например, брат Шайха Назар-бая – Хусайн Мухаммад-бек, «приписанный» к реакционному лагерю, характеризовался современниками как один из наиболее передовых людей своей эпохи, стараниями и поддержкой которого в немалой степени сформировалось младохивинское реформаторское движение (*ёш хиваликлар*)⁸⁷.

По этой же причине не совсем уместно рассматривать политический ландшафт Хивинского ханства этого периода в контексте противостояния неких политических объединений/партий при дворе, имеющих устойчивые очертания, долгосрочную стратегию и более или менее сформированную гражданскую позицию. Нельзя, конечно, отрицать того, что политическая динамика хивинского общества предполагала формирование своеобразных группировок, союзов и альянсов, объединенных общностью политических интересов, групповой солидарностью, родственными отношениями. Однако природа таких объединений не была устойчивой; и в основе действий и поступков действующих лиц могли лежать гораздо более сложные мотивы, нежели их формальная причастность к той или иной группировке. Нельзя не учитывать и развитие взаимоотношений участников внутри таких групп, а также властных отношений. Здесь важную роль играло не формальное назначение на должность и даже не личное расположение хана. Симпатии и антипатии последнего во многом определялись репутацией той или иной политической фигуры в придворной среде, ее умением выстраивать отношения с региональными элитами (в частности, с туркменскими старшинами) и, что немаловажно, – с русской администрацией. Расположение хана и занятие важной должности при дворе не давали при этом никаких долгосрочных гарантий. Нужно было искать новые способы для укрепления своих позиций, выстраивать новые взаимоотношения с основными участниками политического процесса. Политическое пространство Хивинского ханства с его сравнительно высокой динамикой делало нежизнеспособными какие-либо устойчивые объединения, поскольку они заметно ограничивали политическое маневрирование его участников.

В значительной степени переоцененными представляются возможности и влияние сыновей Матмурада-диванбеги и, в частности, самого Шайха Назар-бая, на процессы в Хиве. Арест с последующей опалой, судя по всему, существенно уменьшил влияние последних при дворе и сузил пространство для их самостоятельных действий. В своем рапорте генерал-губернатор Самсонов сообщает, что даже после «помилования» хан не давал «диванбегийцам» «никаких [серьезных] поручений по службе», что делало «существование их бессмысленным». При этом, «все старания «диванбегийцев» приблизиться ко двору, заручиться доверием Хана <...> не увенчались успехом». Более того, со стороны хивинских властей «за ними было установлено весьма строгое наблюдение»⁸⁸. Подполковник Трошкин, исполнявший обязанности Начальника АДО, доносил в сентябре 1914 года (т.е. спустя два года после снятия опалы) о том, что «диванбегийцы роли при дворе не играют, а лишь изредка получают поручения Хана». Некоторое недоумение чиновника, в бытность его в Хиве, вызвал тот факт, что последние «почему-то не считают нужным явиться» к нему⁸⁹. Подобное явное избегание «диванбегийцами» контактов Лыкошин объясняет установленным

за ними наблюдением со стороны хивинских властей и опасением «подвергнуться немилости <...> за свою близость к русским властям»⁹⁰.

Вряд ли, находясь в положении, когда не только их благополучие, но и свобода были поставлены в прямую зависимость от настроения хана, лишённые значительной части капиталов и ресурсов влияния, «диванбегийцы» могли по собственной инициативе и собственными силами организовать убийство самого влиятельного чиновника в ханстве – Сайида Ислам-Ходжи. Нам, очевидно, не суждено узнать, были ли Шайх Назар-бай в какой-либо степени вовлечен в этот заговор или нет. Как бы там ни было, не вызывает сомнения, что за убийством стояли достаточно влиятельные силы как в хивинском дворце, так и за его пределами, и что оно не могло произойти без ведома и санкции самого Асфандияр-хана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди сравнительно недавних работ узбекских ученых, затрагивающих более или менее глубоко вопросы, поднимаемые в рамках данной статьи – см.: *Қўшжонов О.* Исфандиёрхон саройидаги жожеалар ёхуд бир котиллик тарихи // *Жонкуяр олим, ташкилотчи ва мураббий.* Урганч, 2000, № 3–4, Урганч: Маърифат ёғдуси, 2004; *Садуллаев А., Сотлиқов О., Абуллаев О.* Сайид Исломуъжа (Сиёсий, маданий-маърифий фаолияти). Тошкент, 2005. С. 56–76; *Қўшжонов О., Полвонов Н.* Хоразмдаги ижтимоий-сиёсий жараёнлар ва ҳаракатлар. Тошкент: Abu-matbuot konsalt, 2007. С. 204–216.

² Отдельные аспекты жизни Хивинского двора в годы Российского протектората освещены в работах: *Erkinov A.* How Muhammad Rahim Khan II of Khiva (1864–1910) cultivated his Court Library as a means of resistance against the Russian Empire // *Journal of Islamic Manuscripts.* 2011, № 2. P. 36–49; *Он же.* Культурный перфекционизм в Хивинской придворной среде при Мухаммад Рахим-хане II как способ противостояния режиму протектората (1873–1910) // *История и культура Средней Азии.* Подготовка к изданию: Б. Бабаджанов, Я. Кавахара. – Токио, 2012. С. 35–69.

³ *Becker S.* Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. – London–New York: Routledge/Curzon, 2004. P. 52.

⁴ Эта территория рассматривалась Хивой в качестве условной границы. См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. С картами и планами. В 3-х тт. – СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1903–1906. – Т. 2. – 1906. С. 60.

⁵ См.: *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1877. С. 360; *Жуковский С.В.* Сношения с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. – Петроград: Типо-литография Н.И. Евстифеева, 1915. С. 164.

⁶ Подобные действия выражались в поддержке казахских предводителей в действиях против российских войск, захвате (удалено: в рабство) русских пленных, нападении на торговые караваны. См.: Записка Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана о военных предприятиях

в Хиву. 31 октября 1872 года. (Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. 715, д. 53, л. 110; *Терентьев М.А.* Указ соч. Т. 2. С. 60–63, 70; Военно-статистическое описание Хивинского ханства, составленное Генерального штаба капитаном Гиршфельдом, переработанное генерал-майором Галкиным. Ч. 1–2. Ташкент, 1902–1903. – Ч. 1. – 1902. С. 21–23.

⁷ Это представление продолжало господствовать в хивинских политических кругах и спустя несколько десятилетий после завоевания. Так, хивинский придворный историк Байани еще в 1910–1912 годах писал, что если бы не разобщенность сил Хорезма, российским войскам было бы не под силу покорить неприступный оазис, «окруженный песками и степями, а также [граничащий] с другой стороны с рекой» (*Мухаммад Йусуф Байани.* Шаджара-йи Хоразмшахи. Ркп. Центра восточных рукописей при Ташкентском государственном институте востоковедения (далее: ЦВР ТашГИВ), № 9596, л. 459б–460а.

⁸ К таковым следует отнести прежде всего походы князя А. Бековича-Черкасского в 1717 г. и генерала В. Перовского в 1839 г., закончившиеся, как известно, неудачно.

⁹ См.: Записка Туркестанского генерал-губернатора... – Л. 109; Записка Государственного канцлера А.М. Горчакова Наместнику Кавказскому Великому князю Михаилу Николаевичу. 29 февраля 1872 года. ЦГА РУз, ф. 715, д. 49, л. 264; *Becker S.* Op. cit. P. 54–55.

¹⁰ *Терентьев М.А.* Указ соч. Т. 2. С. 74. В 1872 г. оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский (в должности – 1864–1881) признавал, что «вопрос о взятии Хивы есть, конечно, вопрос уже решенный», см.: Записка ген.-адъютанта Крыжановского относительно решительных действий против Хивы. ЦГА РУз, ф. 715, д. 53, л. 164. См. также: *Morrison A.* Introduction: Killing the Cotton Canard and getting rid of the Great Game: rewriting the Russian conquest of Central Asia, 1814–1895 // *Central Asian Survey.* 2014. № 2 (33). P. 136.

¹¹ Кауфман считал характер действий хивинских политических кругов «неестественным, аномальным и вместе с тем нетерпимым» (Записка Туркестанского генерал-губернатора... – Л. 109).

- ¹² См.: *Тухтаматов Т.Г.* Россия и Хива в конце XIX – начале XX вв. Победа Хорезмской народной революции. – М.: Наука, 1969. С. 22.
- ¹³ Подробнее о ходе и результатах хивинского похода 1873 г. см.: *Лобысевич Ф.И.* Описание Хивинского похода 1873 года. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1898. С. 251–263; *Терентьев М.А.* Указ соч. Т. 2. С. 60–63, 70.
- ¹⁴ См.: *Лобысевич Ф.И.* Указ. соч. С. 251–263.
- ¹⁵ См.: *Мухаммад Йусуф Байани.* Указ. соч. Л. 465а.
- ¹⁶ См. текст договора в приложении к: *Жуковский С.В.* Указ. соч. С. 179.
- ¹⁷ В частности, русские купцы освобождались от выплаты 5% закята за провоз товаров через территорию ханства, им разрешалось также иметь торговых представителей во всех городах ханства.
- ¹⁸ *Sela R.* Invoking the Russian Conquest of Khiva and the Massacre of the Yomut Turkmens: the Choices of a Central Asian Historian // *Asiatische Studien/Etudes Asiatiques.* 2006. Vol. 60. P. 459.
- ¹⁹ Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора К. фон Кауфмана. 14 ноября 1872 г. ЦГА РУз, ф. 11с, оп. 3, д. 148, л. 30–32.
- ²⁰ *Лобысевич Ф.И.* Указ. соч. С. 272.
- ²¹ Общая площадь АДО составляла 75 900 кв. верст. Линия разграничения АДО с Хивой на юго-западе проходила по Амударье вплоть до ее крайнего западного рукава – Талдыка. На северо-востоке Отдел граничил с Перовским и Казалинским уездами Сырдарьинской области, на востоке с Джизакским уездом Самаркандской области и на западе соприкасался с владениями Бухарского эмирата. См.: *Сарыбаев К.* Аграрный вопрос в Каракалпакии (XIX – начало XX вв.). – Нукус: Каракалпакстан, 1972. С. 30.
- ²² «О выделении Амударьинского отдела из состава Сырдарьинской области». Рапорт военного губернатора Сырдарьинской области № 3. 3 марта 1915 г. ЦГА РУз, ф. 1, оп. 27, д. 429-а, л. 3.
- ²³ ЦГА РУз, ф. 11с, оп. 3, д. 828, л. 11. Цит. по: *Тухтаматов Т.Г.* Амударьинский отдел (Социально-экономическое и политическое значение для Хорезмского оазиса). Нукус: Каракалпакстан, 1977. С. 62.
- ²⁴ Материалы этого документооборота составляют значительную часть фондов: И-907 «Начальник Амударьинского отдела» и И-125, опись I «Канцелярия Хивинского ханства» ЦГА РУз.
- ²⁵ ЦГА РУз, ф. 11с, оп. 3, д. 828, л. 3–11. Цит. по: *Тухтаматов Т.Г.* Цит. соч. С. 59, 61.
- ²⁶ *Терентьев М.А.* Указ соч. Т. 2. С. 300.
- ²⁷ Записка Начальника АДО Н. Лыкошина Дипломатическому чиновнику А.А. Семенову, 29.12.1913 г. № 93. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 348, л. 20.
- ²⁸ Я признателен за это наблюдение коллеге Паоло Сартори.
- ²⁹ См.: *Ташев Н.* Занимал ли Мухаммад-Йусуф Байани должность диванбеги? // *O'zbekiston tarixi.* 2009. № 2. С. 18; *Shioya A.* Povорот and the Khanate of Khiva: a new canal and the birth of ethnic conflict in the Khorazm oasis, 1870–1890s // *Central Asian Survey.* 2014. № 2 (33). P. 238.
- ³⁰ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 166.
- ³¹ Там же. Л. 167.
- ³² См. подробнее: ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 291.
- ³³ См. подробнее о биографии Сайида Ислам-Ходжи: *Ражабов К.* Исломхўжа // *Ўзбекистон миллий энциклопедияси.* Т. 4. – Тошкент: ЎзМЭ, 2002. С. 245; *Садуллаев А., Сотлиқов О., Абдуллаев О.* Указ. соч. С. 20–33.
- ³⁴ См.: *Лыкошин Н.* Рапорт, 30 сентября 1912 г., № 15. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, 162–163.
- ³⁵ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 167.
- ³⁶ ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 195–195 об. Несмотря на неоднократные обращения русской администрации к хивинским властям с просьбой об ознакомлении с данным воззванием, последние отвечали отказом, мотивируя это наличием в тексте ряда оскорбительных для хана выражений. См. напр.: *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 134–134 об.
- ³⁷ *Хожжи Юсуфов П.* Ёш хиваликлар тарихи. (Хотиралар) / Маъсул мухаррир ва сўз боши муаллифи М. Матниёзов. Урганч: Хоразм, 2000. Б. 58–59. Единственный известный список данного сочинения хранится в личной библиотеке внука автора, проживающего в Хиве. В середине 1930-х годов перевод данного сочинения на русский язык был осуществлен Б. Чепруновым, см.: Рук. Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук, г. Нукус. Инв. № 670.
- ³⁸ См. напр.: *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 185.
- ³⁹ Подполковник П.Ф. Васильев, временно исполнявший в момент ареста «диванбегийцев» обязанности Начальника АДО, в своем письме на имя Дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе Барановского признается, что он узнал о произошедших в Хиве событиях по слухам, «имевшим совершенно случайный характер» (ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 194–194 об.).
- ⁴⁰ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 134–134 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 136.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 168.
- ⁴⁴ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 135 об.
- ⁴⁵ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 53. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 177 об.
- ⁴⁶ *Лыкошин Н.* Рапорт, 22 декабря 1912 г., № 62. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 208. В мемуарах Палван-Нийаза Юсупова Мухаммад Вафа Караванбаши также неизменно фигурирует в качестве основного действующего лица в связи как с арестом «диванбегийцев», так и с последующим облегчением их участи. См. *Хожжи Юсуфов П.* Указ. соч.
- ⁴⁷ См.: *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 49. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 177 об. – 178.
- ⁴⁸ *Лыкошин Н.* Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 135 об.

⁴⁹ Лыкошин Н. Рапорт, 31 августа 1912 г., № 10. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 189 об.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Лыкошин Н. Рапорт, 28 августа 1912 г., № 43. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 135 об.

⁵² Лыкошин Н. Рапорт, 8 января 1913 г., № 5. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 203.

⁵³ Лыкошин Н. Рапорт, 30 сентября 1912 г., № 15. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 160 об.

⁵⁴ Лыкошин Н. Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 49. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 177–177 об.

⁵⁵ Лыкошин Н. Рапорт, 22 декабря 1912 г., № 62. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 208 об – 209.

⁵⁶ Лыкошин Н. Рапорт, 8 января 1913 г., № 5. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 203.

⁵⁷ Лыкошин Н. Рапорт, 4 января 1913 г., № 4. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 305, л. 6 об.

⁵⁸ Лыкошин Н. Рапорт, 8 января 1913 г., № 5. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 204.

⁵⁹ Там же. Л. 203–204.

⁶⁰ Лыкошин Н. Рапорт, 22 декабря 1912 г., № 62. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 208 об – 209.

⁶¹ ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 1, д. 343, л. 1.

⁶² В частности, во время своего посещения Петербурга в феврале 1913 г. Саййид Ислам-Ходжа встречался «с представителями Турции и Персии», а также «посетил турецкого и персидского послов <...> и довольно долго беседовал с этими дипломатами». (Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА, ныне – РГВИА), ф. 400, д. 178, л. 50. Цит. по: Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX – начале XX веков. – Ташкент: Фан, 1972. С. 133.

⁶³ ЦГВИА, ф. 400, д. 62, л. 155. Цит. по: Садыков А.С. Цит. соч. С. 141.

⁶⁴ Самсонов А.В. Рапорт Министру иностранных дел, ноябрь 1913 г. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 343, л. 3.

⁶⁵ Там же. Л. 3–3 об.

⁶⁶ Там же. Л. 4 об. – 5.

⁶⁷ Там же. Л. 5–6.

⁶⁸ Там же. Л. 5 об. – 6 об.

⁶⁹ Балтаев А. Х^аразм тарихига материаллари. Рқп. Центра восточных рукописей Ташкентского государственного института востоковедения (ЦВР ТашГИВ), № 9320. См. подробнее об этом сочинении и его авторе: Собрание восточных рукописей АН РУз. История. Сост. Д.Ю. Юсупова, Р.П. Джалилова. – Ташкент: Фан, 1998. С. 263.

⁷⁰ См.: Балтаев А. Цит. соч. Л. 5а.

⁷¹ Таррох-Ходим Б. Хоразм шоир ва навозандалари / Табдил этиб, нашрга тайёрлочи А. Отамурадова, О. Абдурахимов. – Тошкент: Tafakkur qanoti, 2011. Б. 77.

⁷² См.: Балтаев А. Цит. соч. Л. 5а; Таррох-Ходим Б. Б. 77. То, что Шайх Назар-бай вскоре после помилования и восстановления в должности был вновь посажен под домашний арест, подтверждает и Н. Лыкошин, см.: Рапорт, 29 декабря 1913 г., ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 348, л. 20-20 об.

⁷³ См.: Балтаев А. Цит. соч. Л. 7а.

⁷⁴ Там же. Л. 7б.

⁷⁵ См.: Лыкошин Н. Рапорт, 30 сентября 1911 г., № 15. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 163–165.

⁷⁶ Балтаев А. Цит. соч. Л. 7б-8а; Хожу Юсупов П. Цит. соч. Б. 64.

⁷⁷ В качестве одного из таких «добрых гениев Хивы», благодаря которому в Хиве «творилось немало подлостей», А.М. Кисляков называет генерала С.В. Цейля, Начальника Азиатского отдела Генерального штаба (в должности – 1908–1913). См.: Котюкова Т.В. Восстание туркмен в Хивинском ханстве в 1916 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 3–18.

⁷⁸ См. напр.: Лыкошин Н. Рапорт, 1 февраля 1913 г., № 8. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 348, л. 6 об.; Он же. Донесение Дипломатическому чиновнику, 5 января 1913 г. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 199–199 об.

⁷⁹ В 1916 г. А.М. Кисляков в своей записке на имя П.Н. Милокова откровенно заявлял, что убийство Саййида Ислам-Ходжи «было отлично прикрито [Асфандияр-ханом] обильным золотым дождем, направленным к Сухомлинову через Цейля». (См.: Котюкова Т.В. Указ. соч. С. 16). Балтаев и Юсупов упоминают о значительных суммах, полученных от хивинского правителя членами комиссии по расследованию обстоятельств смерти Саййида Ислам-Ходжи. (Балтаев А. Цит. соч. Л. 7б-8а; Хожу Юсупов П. Цит. соч. Б. 66.)

⁸⁰ Эти инициативы до того оставались «весьма долго без движения, благодаря вмешательству покойного вазира-акбара». Самсонов А.В. Цит. док. Л. 7 об.

⁸¹ Тухтаматов Т.Г. Россия и Хива... С. 78–84; Садыков А.С. Цит. соч. С. 140–142.

⁸² См.: Тухтаматов Т.Г. Россия и Хива... С. 81; Садыков А.С. Цит. соч. С. 140–142; История Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент: Фан, 1976. С. 147. Эта тенденция прослеживается и в работах зарубежных исследователей, см.: Becker S. Op. cit. P. 179–180; Shioya A. Op. cit. P. 239.

⁸³ Самойлович А.Н. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство в 1908 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении. – 1909. № 9. С. 11–12.

⁸⁴ См.: Лаффасий [Хасан Мурод]. Тазкираи шурао / Нашрга тайёрловчи П. Бобожонов. – Урганч: Хоразм, 1992. Б. 52–53; Таррох-Ходим Б. Цит. соч. Б. 76–77.

⁸⁵ См.: Лыкошин Н. Рапорт, 4 февраля 1913 г., № 4. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 305, л. 8.

⁸⁶ Лыкошин Н. Рапорт, 28 ноября 1912 г., № 49. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 289, л. 178 об.

⁸⁷ См.: Хожу Юсупов П. Цит. соч.; см. также: Таишев Н. Указ. соч. С. 19.

⁸⁸ Самсонов А.В. Цит. док. Л. 2-2 об.

⁸⁹ Трошкин [без инициалов]. Рапорт, 26 сентября 1914 г., № 20. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 369, л. 22 об.

⁹⁰ Лыкошин Н. Рапорт, 8 августа 1914 г., № 3. ЦГА РУз, ф. И-2, оп. 1, д. 348, л. 39 об.

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XXXVIII
2015, № 3, июль-сентябрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . . 15 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . . 2015).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz